

Предисловие

Заказ «Науки» и журнала «Знание — сила»

Включаясь в новую акцию издательства «Евразия» — в создание малых книг на основе крупных произведений, — я соединил два небольших очерка, оба очень упрощающих, научно-популярных. Один — предисловие, или, скорее, послесловие к книге А. Кравчука «Троянская война», а другой — три статьи из журнала «Знание — сила».

В конце 80-х я, к тому времени уже опубликовавший несколько статей по гомеровской тематике, получил заказ от издательства «Наука» написать предисловие или послесловие к научно-популярной книге польского античника А. Кравчука «Троянская война». Книжка эта была написана давно, а ее автор стал министром в социалистической Польше и уже не мог плотно следить за развитием науки, так что нужно было дать современный научный комментарий к его книге. Перевод с моим

послесловием («Троянская война в эпосе и истории») вышел в 1991 г. (А. Кравчук 1991).

В работе Кравчука были места, нуждавшиеся в таком комментарии, но особо меня заинтересовала сама структура его книги, его подход к теме. Кравчук построил свою книгу о Троянской войне, расположив материал вокруг отдельных гомеровских героев — Агамемнона, Ахилла, Елены и т. д. Он рассматривал эти блоки материала, эти гомеровские образы один за другим. То есть книга выглядела как собрание очерков о гомеровских героях — их характеристики, их биографии. Постепенно из их биографий складывалось представление о ходе Троянской войны. Сам по себе такой подход очень мне импонировал, привлекал меня.

Но Кравчук считал Троянскую войну реальным событием истории, датируя его XIII веком до н. э., как и принято в традиции. Гомеровские поэмы «Илиаду» и «Одиссею» он считал самыми ранними описаниями этой войны, относя их, тоже по традиции, к VIII веку до н. э. А остальные (киклические) поэмы о Троянской войне, опять же, как было принято традиционно мыслящими учеными, он считал более поздними.

Кравчук прослеживал судьбы этих героев сначала у Гомера, затем по киклическим поэмам («Киприям», Эфиопиде», «Гибели Илиона» и др.), считая их следующей ступенью. А дальше он исследовал образы этих героев в произведениях еще более поздних авторов античной литературы — поэтов (от Пиндара до Вергилия), драматургов Эсхила, Аристофана и др., и, конечно, в трудах древних историков — Геродота, Фукидида, Плутарха. А потом и в современной литературе. Отсюда он делал некоторые экскурсы вглубь времен и строил гипотезы о происхождении образов. Большею частью он возводил их к реальным фигурам Троянской войны, считая их биографии фактами истории.

Поскольку я так не считал, я стал подумывать о том, чтобы не ограничиться послесловием к книге Кравчука. Меня увлекла идея написать другую книгу о гомеровских героях, построив исследование совершенно по-иному. Суть заключалась в том, чтобы сделать гомеровские образы отправными пунктами не для прослеживания их судеб в последующей литературе, к нашему времени, а для продвижения от Гомера в противоположном направлении — вглубь времен. Я же археолог. Я решил выявить предшествующие этапы их

существования, в догомеровское время, не только в киклических поэмах, но и еще раньше, проследить их формирование вплоть до их истоков. Разумеется, если эта догомеровская судьба и эти истоки вообще существуют.

И, работая над исследованиями (трудоемкими книгами) по этой теме, я одновременно излагал новую суть дела в упрощенном варианте. Первой версией был мой доклад на английском в Дании, в Орхусе. До письменной формы я этот доклад не довел. Не хватало опыта.

А с журналом «Знание — сила», тогда очень популярным и ярким, у меня складывалось неплохое сотрудничество (с 60-х годов). Так к середине 80-х и появились все три очерка именно в журнале «Знание — сила».

Позже я добавил библиографию.

I. Троянская война в эпосе и в истории

Предлагаемый текст появился в 1991 г. как послесловие (стр. 196–217) к переводной книге польского ученого Александра Кравчука «Троянская война» (*Кравчук 1991*). Послесловие было написано по заказу Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» и вышло из печати в 1991 г.

1. Характер книги

Когда мне предложили снабдить перевод книги А. Кравчука научными комментариями, я согласился не раздумывая. Книгу я читал, она произвела приятное впечатление. Однако, написанная за несколько десятилетий до того (перевод осуществлен с шестого издания), она нуждается в корректировке: наука с тех пор заметно продвинулась. Кроме того, автор книги — античник широкого профиля, в течение ряда лет профессор Варшавского университета, — много занимался

популяризацией античной культуры, а специальных исследований по Гомеру и Троянской войне он не вел. С одной стороны, это создавало известные преимущества для популяризации, обеспечивая — при высоком научном уровне — некоторую отстраненность от профессиональных споров, а значит, объективность, без чрезмерного углубления в детали. С другой — это порождало опасность недосмотров и гарантировало предпочтение традиционных точек зрения, что мешало высветить новации, проблемы и перспективы. Я же последние годы занимался именно специальными исследованиями гомеровского эпоса, поэтому полагал, что задача не составит особого труда.

Однако, приступив к работе, я сразу же понял, что составить здесь комментарии будет непросто. А. Кравчук — мастер популяризации: книга читается легко, вводит в мир греческих богов и героев свободно, непринужденно, с постепенным расширением обзора. Но в ней нет ни полноты, ни системы. Автор не следует ни хронологическому порядку событий истории, ни фабуле эпоса, ни ходу научного познания, ни логике дискуссии. Он произвольно выбирает из «Илиады» фрагменты

и мотивы, представляющиеся ему наиболее существенными и интересными для сопоставления с историей и археологией, объясняет их, пользуясь более поздними произведениями древних авторов и современными научными трудами, фокусируя внимание на образах главных эпических героев.

Названия частей (книг) — «Ахилл», «Агамемнон», «Гектор», «Эней» — у него очень приблизительны, они ориентированы не на раскрытие соответствующих образов героев, художественное или историческое, а названы так лишь потому, что там чаще, чем в других местах, перелагаются деяния этих героев (исключение — «Елена», тут в самом деле раскрываются истоки этого образа). Нет аналогичных разделов, посвященных Нестору и Диомеду, Аяксам и Одиссею. Есть раздел «Троянки», но специального раздела о троянцах нет.

На самом же деле, в первой его «книге» (первой главе) речь идет в основном о сюжете «Илиады» и характере героического эпоса, во второй — о микенской поре как эпохе сложения троянского эпоса, и о способе передачи традиции классическому времени, в четвертой — об археологической канве троянской

истории, но это лишь в основном, а остальные части по содержанию еще менее однородны.

Поэтому привязанные к такому тексту комментарии поневоле окажутся столь же разброшечанными и бессистемными, в них будет трудно соблюсти логическую последовательность. И я решил вместо комментариев написать это критическое послесловие.

2. Гомеровский вопрос

А. Кравчук лишь очень кратко затрагивает так называемый «гомеровский вопрос» — сочинил ли «Илиаду» один певец, Гомер, или она складывалась из разных песен, постепенно разрастаясь, и у нее много авторов. «Илиаду» пронизывает единый сюжет, и она написана одним языком, так что есть резон у сторонников единоличного авторства — их называют унитариями. В то же время в ней немало противоречий, отклонений от сюжета, различий в оттенках речи. Поэтому есть резон и у тех, кто считает, что филологическим анализом ее можно разделить на составные части, выделить в ней разновременные слои; этих исследователей зовут аналитиками. Спор аналитиков с унитариями длится с переменным успехом уже около двух веков.

Наметились и компромиссные позиции: ведь различие между автором и составителем не такое уж резкое, автор мог использовать с той или иной интенсивностью древние сказания, составитель — более или менее активно обновлять и перерабатывать старое, вставлять свои собственные куски. Когда в конце 20-х годов гениальный американец М. Пэрри доказал, что в гомеровском эпосе есть целый ряд признаков фольклора — намертво закрепленные за героями и предметами эпитеты, традиционные выражения и фразы («формулы»), а другие ученые добавили к этому стереотипные мотивы и сказочные образы, вопрос об авторстве стал еще более спорным. Ведь авторство фольклорных произведений неуловимо, оно даже более коллективно, чем представляли аналитики, и уж тут единственный обнаруживаемый автор — народ. Такую позицию относительно гомеровского эпоса занял *А. Ф. Лосев* (1960: 80), склоняется к ней и *А. Кравчук*. Однако и Лосев, и Кравчук, прокламируя эту позицию, все же обращаются с Гомером как с сугубо определенным единоличным автором — датируют его жизнь, локализуют происхождение и т. п. (и дело не только

в легендах; для этого есть основания в самой «Илиаде»). Впрочем, и народные певцы бывают самостоятельными творцами, да и фольклорность гомеровского эпоса не все признают.

Современные ученые придерживаются самых разных точек зрения. Общепризнанной трактовки нет. Между тем от решения вопроса об авторстве зависит понимание других вопросов. Так, если «Илиада» — произведение одного автора, то она может быть более или менее достоверным описанием исторических событий или же — художественным вымыслом. Но если поэма складывалась из разных песен, постепенно разрастаясь, то ожидать в ней достоверной передачи исторических событий заведомо не приходится.

Моя собственная точка зрения — вариант аналитической позиции. Однако я не буду здесь ее отстаивать, коль скоро проблема остается дискуссионной, а доказательства заняли бы много места, в книге Кравчука вопрос обойден — последуем его примеру. Но вот те вопросы, по которым за последние десятилетия накопились неизвестные ранее материалы и обозначились неожиданно открытия, надо рассмотреть в новом свете.

3. Разоблачение мистификаций

В 1950-е годы было опубликовано двухтомное собрание писем Генриха Шлимана, открывшего миру Трою—Илион и Микены, и постепенно ученые получили доступ к его личным архивам. До того все биографии Шлимана строились в основном на его автобиографии. Сличение писем с дневниками, документами и газетной хроникой вызвало к жизни в 70–80-е годы целую серию скандальных разоблачений.

Оказалось, что известная всему миру романтическая биография Шлимана в значительной части выдумана им самим. Не было ни взлелеянного в раннем детстве плана найти и раскопать Трою, ни крушения в море, ни наблюдения пожара в Сан-Франциско, ни выступления молодого купца в американском сенате, ни приема у президента и т. д. (*Calder 1972; Traill 1979; 1982 и др.*). И, что гораздо важнее, не было знаменитой сцены обнаружения «клада Приама», когда супруги вдвоем вынимали из земли бесценные сокровища, а Софья затем под шалью переносила их в хибарку. В те дни, которые позднее Шлиман обозначил как время открытия клад, Софья находилась далеко от места раскопок — за морем, в Греции. Клад

был искусственно создан задним числом из разрозненных находок в разных слоях (*Traill 1983; 1984a; 1984b; 1986*). Накапливать драгоценности приходилось ради того, чтобы легче было их тайно вывезти из Турции (вопреки договору с турецким правительством). А уж коль скоро их накапливали, то надо было это замаскировать приличным образом: выдать за клад, обнаруженный при самом окончании работ. К тому же мистификация пригодилась Шлиману для нагнетания сенсационности, для вящего убеждения мировой общественности, что в Гиссарлыке он обнаружил именно Илион, столицу Приама. Плутовал Шлиман и с дневниками микенских раскопок (*Calder and Traill 1986*).

Хочу сразу же упредить возможные протесты почитателей Шлимана: и после этих разоблачений Шлиман остается выдающимся археологом. Его самоотверженный труд подарил миру Илион и Микены, что обеспечило открывателю признание и признательность многих поколений. Обнаруженное плутовство... Хотел я было, продолжая, сказать: оно не уменьшит его заслуг. Нет, конечно, уменьшит. А главное, что подорвано доверие к его материалам и концепциям. Это

воздействие — психологическое. Сто лет назад Шлиман эффектно утвердил веру в историчность событий греческого эпоса, в реальность гомеровской Трои. Не так велики обнаруженные неточности по сравнению с масштабом открытий, огрехи не затрагивают поздних материалов (относящихся к Троянской войне), но важен принцип: вера пошатнулась.

Сейчас мы начинаем вспоминать, что Шлиман потому и ухватился за «клад Приама» (позже оказавшийся на тысячу лет древнее времен Троянской войны), что других доказательств того, что он раскопал Трою Приама, у него не было. А между тем идентичность Гиссарлыка священной Трое была уже заранее провозглашена на весь мир. В дневнике Шлиман записывал: «Я должен твердо верить, что найду Трою, ибо иначе я окажусь в дураках» (*Meyer 1969: 373*). И вот 1 ноября 1870 г. запись в дневнике: «Я уже больше не верю, что когда-либо найду здесь Трою» (*Meyer 1969: 262, о том же в письме Ренану — там же, 334, Ант. 267*). Очень нужен был «клад Приама»! Теперь мы знаем, что это не только не сокровище «Приама», но и не «клад».

А ведь доказательств с тех пор не прибавилось! Точнее, появилось немало свидетельств

того, что раскопан именно Илион, но поздний, греческий, — об имени города говорят монеты и надписи. Города переносились, строились заново на новом месте. Как доказать, что город и раньше так назывался, то есть что крепость, на руинах которой вырос этот греческий город, тоже была Илионом и что за нее шла Троянская война? В историческое время город не назывался Троей, а в эпосе осажденный город — то Троя, то Илион. Словом, сомнения заставили ученых продумывать все заново.

4. Пересмотр топографии Троады

В книге А. Кравчука трудности идентификации гомеровского осажденного города сведены к выбору между двумя холмами в Троаде — Гиссарлыком и Бунарбаши. К выбору, который был разрешен в пользу Гиссарлыка еще Шлиманом, после чего сомнений в этом деле вроде уже не осталось. Если бы!

Мало того, что обнаруженный город не очень подходит под величественное гомеровское описание: крепость — всего 200 метров в поперечнике, а вне крепостных стен нет вообще никаких построек, никаких следов обитания. Что ж, величие города уже сам Шлиман списывал за счет поэтического преувеличения

[а уже после написания этих строк экспедиция Манфреда Корфмана проводила новые раскопки Гиссарлыка и обнаружила вне стен цитадели большой город, не замеченный Шлиманом]. Но идентифицировать надо еще и лагерь ахейцев, что очень непросто. Суть не только в отсутствии следов каких-либо ахейских укреплений вне города — они тоже могли быть поэтическим домыслом, но место, где высадились ахейцы и откуда они наступали на город, должно же соответствовать описаниям Гомера! А такого места не находилось.

Холм Гиссарлык расположен в северо-западном углу Малой Азии. В нескольких километрах к западу от него — берег Эгейского моря, а в нескольких километрах к северу — пролив Геллеспонт (Дарданеллы), которым начинается морской путь из Эгейского моря в Черное. Город отделен от Эгейского моря долиной Скамандра. На севере река впадает в пролив. Согласно «Илиаде», ахейцы высадились в бухте, открывавшейся в Геллеспонт, то есть в пролив. Это значит — они высадились в устье Скамандра, севернее города, и должны были наступать на город по долине реки. Но из целого ряда стихов «Илиады» ясно, что река протекает *между* городом и ахейским лагерьем,

а в каком-то ее месте есть брод, он часто упоминается — видимо, он имел немаловажное значение для переправы. Так где же находился ахейский стан? Если на Геллеспонте, в устье Скамандра, то это же не за рекой от города, а если на западе, за рекой, то не на Геллеспонте, а на Эгейском побережье.

Шлиман считал, что высадка произошла на Геллеспонте, а русло реки тогда-де проходило восточнее, по самому краю поймы, под стенами крепости. Отсюда и необходимость для войск переправляться через реку. Английский гомеровед У. Лиф, много занимавшийся географией Трои, принимал эту версию, но с тем отличием, что предпочитал как раз западное русло Скамандра⁷ (*Leaf 1912*): ведь в «Илиаде» река не у самого города, а ближе к ахейскому стану. Но тогда переправы через нее не должно быть. Помощник и преемник Шлимана В. Дёрпфельд после долгого сопротивления высказался за версию, помещавшую стан ахейцев на Эгейском побережье, в бухте Бешика⁸ (*Brückner 1912; Dörpfeld 1926*). По этой версии, Геллеспонтом могли называть не только пролив, но и прилегающую часть Эгейского моря (такое именование не исключается и по другим данным). Однако это вдвое дальше

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru